

Эудженно Корти

НЕМНОГИЕ ВОЗВРАТИВШИЕСЯ

Заметки офицера итальянского
экспедиционного корпуса
1942 — 1943

Эудженио Корти
Немногие возвратившиеся.
Записки офицера
итальянского экспедиционного
корпуса. 1942-1943

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609605

*Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского
экспедиционного корпуса. 1942—1943 гг. / Пер. Л.А. Игоревского.:*

Центрполиграф; Москва; 2002

ISBN 5-9524-0137-6

Аннотация

Книга офицера Эудженио Корти – одно из немногочисленных известных произведений литературы, повествующих об участии итальянской армии в сражениях на Восточном фронте. Автор подробно рассказывает о тяжких испытаниях, выпавших на долю простых солдат, предоставленных самим себе, без необходимого снаряжения, транспорта и провизии, прорывающихся из Донского окружения в условиях суровой русской зимы.

Содержание

Предисловие Карло Д'Эстэ	4
От Дона до Арбузова	15
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эудженио Корти Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942–1943 гг

Предисловие Карло Д'Эстэ

Вторая мировая война – один из самых тяжелых периодов в итальянской истории. С 1922 года в стране правил Бенито Муссолини со своей бандой головорезов, и только в июле 43-го он был свергнут и арестован. Итальянцам довелось на себе испытать все ужасы фашистского режима, установленного союзом диктатора Муссолини с нацистской Германией и ее лидером Адольфом Гитлером.

Начиная с последовавшего в 1936 году вторжения в Эфиопию Муссолини всеми силами старался вернуть дни былого величия Римской империи, которая в свое время потрясла мир военными победами и удивительными достижения-

ми в области культуры. Но дуче не принес Италии желанной славы. Вместо этого он обрек нацию на невыносимые страдания, поскольку установил в стране жесточайшую диктатуру, обрядив ее в новые одежды. Провал проповедуемых Муссолини идей нового итальянского фашизма был совершенно очевидным для большинства итальянцев, желавших только одного – прекращения войны. И хотя новое нефашистское правительство Италии, возглавляемое маршалом Пьетро Бадоглио, объявило, что война будет продолжаться, уже через несколько недель начались секретные переговоры с союзниками.

3 сентября 1943 года 8-я армия Великобритании вступила в Калабрию. Это стало началом освобождения Италии войсками союзников. Пятью днями позже было достигнуто соглашение с союзниками о прекращении военных действий. Капитуляция Италии означала, что итальянское правительство вышло из военного блока «Ось Рим – Берлин» и примкнуло к союзникам. Обозленный Гитлер назвал этот поступок «чистейшей воды предательством» и «величайшим бесстыдством в истории». В Италию было срочно направлено подкрепление, и в течение сорока восьми часов почти 80 процентов страны было оккупировано немецкими войсками.

9 сентября 1943 года 5-я армия Соединенных Штатов заняла Салерно. Италия стала огромным, растянувшимся на тысячи миль полем боя. К декабрю 43-го Северная Италия от Кассино до Калабрии была освобождена войсками союз-

ников. Солдатам не смогли помешать даже ужасные погодные условия осени – зимы 1943 года, и в итоге отчаянное сопротивление немцев было сломлено.

Итальянская кампания длилась более двадцати месяцев. Самые жестокие и кровавые сражения происходили при Салерно, Кассино, Анцио и на реке Рапидо. В них принимали участие отборные немецкие войска под командованием отличавшегося удивительным коварством фельдмаршала Альберта Кессельринга и силы союзников, во главе которых стоял фельдмаршал сэр Гарольд Александер. Союзники намеревались освободить Рим осенью 43-го, но из-за отчаянного сопротивления немцев не сумели воплотить эти планы в жизнь вплоть до 5 июня 1944 года. Вторжение союзнических сил в Нормандию, в результате которого война в Италии сразу отодвинулась на второй план, произошло днем позже – 6 июня 1944 года.

Гитлер поставил свергнутого итальянского диктатора во главе марионеточного правительства. На этой должности Муссолини продолжал предавать интересы своих соотечественников. Он даже санкционировал казнь собственного пасынка – графа Циано. С сентября 1943-го до мая 1945 года в Италии после Муссолини процветали погромы, рабская покорность, трусость, стихийные вспышки протеста, предательства и массовые убийства. Повсеместно немцы проявили себя как вполне настоящие угнетатели. Они уничтожали итальянских евреев, охотились за партизанами и даже

нападали на своих бывших союзников — итальянскую армию. Некоторые части Королевской итальянской армии сражались бок о бок с союзническими войсками до самого конца войны, однако Гитлер интернировал 600 тысяч итальянских солдат в германские трудовые лагеря, а сколько их было безжалостно убито на Эгейском море, в Греции, Албании и Югославии, в точности не знает никто. Более 7 тысяч человек погибли, когда британские бомбардировщики топили немецкие транспорты, перевозившие итальянских солдат в Грецию. Тех, кто сразу покорно не тонул, а пытался плыть к земле, расстреливали немецкие пулеметчики. Немцы успешно расправлялись как с итальянскими военными, так и с мирным населением. Гестапо и СС работали в полную силу. А тем временем Муссолини от всего сердца благодарил германское командование «за доброту к итальянским солдатам».

Преданные собственным правительством, ожесточившиеся итальянские солдаты принимали участие в самых жестоких сражениях на Восточном фронте на стороне гитлеровской Германии. В июне 1941 года Гитлер напал на своего союзника — Советский Союз. Таким образом он начал претворять в жизнь свой знаменитый «План Барбаросса». Гитлер умышленно скрыл свои намерения от Муссолини, опасаясь, что от итальянцев информация может просочиться к русским, сведя, таким образом, на нет эффект неожиданности.

Когда план Барбаросса стал известен Муссолини, тот немедленно отправил по своей собственной инициативе итальянский экспедиционный корпус, состоящий из трех дивизий, насчитывающих в своем составе 60 тысяч человек, в южный сектор Восточного фронта. Очень скоро численность этих войск возросла до 250 тысяч человек, и на Восточном фронте появилась 8-я итальянская армия. Причем Муссолини вовсе не стремился помочь своим союзникам. Он просто хотел поставить Италию в такое положение, чтобы она могла претендовать на изрядную долю военной добычи, как сторона, внесшая весомый вклад в войну против Советского Союза. Муссолини только беспокоился, чтобы экспедиционная армия успела прибыть в Россию вовремя и приняла участие в военных действиях¹.

Итальянские части, воюющие на Восточном фронте, не пользовались уважением своих немецких союзников. Считалось, что 8-ю итальянскую армию можно использовать лишь на вторых ролях. До 1942 года, когда русские бросили в бой четыре армии общей численностью более одного миллиона человек, почти 1000 танков «Т-34» и такое же количество истребителей, а также провели 19 ноября на Южном фронте широкомасштабное зимнее контрнаступление одновременно на двух направлениях, итальянцев использовали главным образом в обороне. В наступательных операциях они

¹ См.: *Вайнберг Г.Л.* Мир в войне: История Второй мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета.

не участвовали. Под командованием маршала Георгия Константиновича Жукова наступление Красной армии должно было снять осаду Сталинграда путем окружения 6-й германской армии.

35-й корпус, первым принявший участие в боевых действиях в России в 1941 году, был частью 8-й итальянской армии. Она занимала позиции на шестидесятимильном участке вдоль реки Дон к северо-западу от Сталинграда. Донской фронт не был целью ноябрьского наступления, но 16 декабря 1942 года Красная армия развернула атаку на более широком фронте. Во время второй фазы наступления итальянцев атаковали три советские армии. 8-я армия не могла противостоять этой сокрушительной силе и была довольно легко отброшена. Итальянцы оказались не только неподобающим образом одеты, но им также не хватало танков и противотанковых орудий для защиты. В течение нескольких часов Донской фронт прекратил свое существование. Чтобы избежать гибели или плена, немецкие и итальянские солдаты, попавшие в донской «котел», начали поспешно отступать, отчаянно пытаясь вырваться из окружения. Их бегство стало невероятной одиссеей людей, родившихся на юге и вынужденных путешествовать в условиях суровой русской зимы, когда температура временами опускалась ниже 30 градусов по Цельсию. В отличие от немцев, которых периодически снабжали по воздуху, итальянцев предоставили самим себе. Каждый солдат мог рассчитывать исключительно на собственные

силы. Они несли тяжелую поклажу или волокли свои пожитки за собой на самодельных салазках. Большинство итальянцев были обуты в легкие ботинки, рассчитанные на теплую погоду. Многие укутывали ноги соломой и обматывали разорванными на полосы одеялами. Не имеющие соответствующего обмундирования, снабжения и транспорта, итальянцы тащились пешком по замерзшей русской степи, не имея ни малейшей возможности обогреться или хотя бы немного отдохнуть. Когда силы окончательно оставляли их, люди позволяли себе остановиться и забыться в коротком сне, после чего сразу же шли дальше, оставив на месте короткого привала трупы своих замерзших товарищей и вещи, которые уже не было сил нести.

Русские не оставляли их в покое ни днем ни ночью. Бомбы, снаряды, пули и ужасный мороз уничтожали людей тысячами. Только самым удачливым и стойким удалось пережить двадцать восемь дней тяжелейших испытаний. Лишь в середине января 1943 года последним чудом выжившие солдаты вырвались из русского окружения. Но 8-я итальянская армия прекратила свое существование.

Итальянские историки утверждают, что, кроме тех, кто погиб в боях и во время отступления с Дона, еще 50–60 тысяч итальянских солдат были захвачены в плен русскими и отправлены в лагеря. Из них только 10 300 впоследствии были репатриированы. Считается, что остальные погибли от го-

лода, жестокого обращения и болезней в плену².

Во время отступления итальянских солдат Красная армия не только покончила с осадой Сталинграда, но также нанесла Германии тяжелейшее поражение, уничтожив 6-ю армию. Победа Красной армии под Сталинградом в январе 1943 года остановила наступление немцев на Советский Союз и стала важнейшим переломным моментом в войне с Германией и Италией, которые теперь были обречены на поражение.

Трагедия несчастной 8-й армии – еще одна грустная страница итальянской истории. Герхард Вайнберг в своем труде «Мир в войне» писал, что Муссолини «не осознавал истинного положения дел в своей стране и в армии. Солдаты сражались в тяжелейших условиях, имея негодное обмундирование и вооружение, почти не получая снабжения. У них не было ясной цели, поэтому отсутствовал и энтузиазм. Старательность, с которой Муссолини растрачивал жизни своих солдат, внесла весомый вклад в дальнейшее ослабление фашистского режима в Италии»³.

Об участии итальянского экспедиционного корпуса в военных действиях в России написано очень немного. Как заметил британский историк Ричард Лэмб, «существующие слова недостаточно выразительны, чтобы достойным обра-

² См.: *Шоу Д.* Возрождение Красной армии. Александрия: Изд-во Time-life Books. Многие обитатели лагерей, которые сумели пережить голод, умерли от воспаления легких и туберкулеза.

³ *Вайнберг Г.Л.* Мир в войне: История Второй мировой войны. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета.

зом выразить осуждение Муссолини... за отправку итальянских солдат в Россию, где им пришлось пережить судьбу даже более тяжелую, чем та, что постигла их соотечественников во время наполеоновской кампании 1812 года».

Одним из немногих, переживших трагическое отступление, был Эудженио Корти, молодой офицер, служивший в артиллерийском батальоне дивизии Пасубио 35-го корпуса. По оценке Корти, из всего корпуса в живых осталось лишь около 4 тысяч человек. Во время службы в России Корти начал записи о пережитом на обрывках бумаги. Позже, уже в Италии, находясь на излечении в госпитале, он систематизировал свои записки и создал первый вариант «Немногих возвратившихся». Впоследствии Корти писал, что преследовал только одну цель – «с течением времени ничего не забыть».

Между тем шел 1943 год и война была далека от завершения. Корти довелось своими глазами увидеть еще одну сторону войны – оборону Италии войсками стран «Оси Рим – Берлин» от наступающих британцев, которая длилась вплоть до мая 1945 года. Чтобы рукопись не попала в руки фашистов, Корти положил ее в водонепроницаемый пакет и закопал в укромном месте. Ему повезло. Он снова остался в живых. Уже после увольнения из армии он писал: «Я выкопал рукопись. Она была в весьма жалком состоянии, впрочем, я тоже. Тем не менее я сумел переписать ее, воспользовавшись любезной помощью моих сестер».

Итальянские рассказы о Второй мировой войне, переве-

денные на английский язык, очень немногочисленны. Что же касается литературы об участии итальянцев в сражениях на Восточном фронте, то ее просто не существует. Видимо, осталось слишком мало очевидцев.

Предлагаемая книга не содержит вопросов военной тактики и стратегии, нет в ней также интриг политиков и высшего военного руководства. «Немногие возвратившиеся» – честная и откровенная история жизни простого солдата. Это важное дополнение к нашим знаниям о величайшем и самом трагическом событии человеческой истории. Книга напоминает «На Западном фронте все спокойно» Эриха Марии Ремарка и «Забытого солдата» Гая Сэджера. Корти пишет о тяжелых испытаниях, выпавших на долю простых солдат, которым не было дела до «высоких идей» или «общего положения на фронтах». Генералы стремятся любой ценой выиграть сражение. Солдат на передовой хочет выжить. Эудже-нио Корти оказался одним из выживших.

С окончанием войны перестали возникать те крепчайшие связи, которые появляются только между людьми, воюющими плечом к плечу против общего врага. Эти узы столь крепки, что их не может ослабить ничто и никогда⁴. Довольно часто ветераны испытывают чувство вины перед погибшими и свято чтут их память. Корти посвятил свою книгу тем:

«кто был рядом со мной в те суровые дни, кто сражался и страдал рядом со мной, кто так отчаянно

⁴ См.: Д'Эстэ К. Паттон: гений войны. Нью-Йорк: Изд-во Harper Collins.

надеялся вместе со мной и, в конце концов, навсегда остался там, на бескрайних просторах русской степи».

Для меня лично книга Корти особенно интересна. Мой отец – итальянец, родившийся и выросший в Триесте, был мобилизован в австрийскую армию и служил во время Первой мировой войны в России в качестве командира роты. Когда в 1917 году Россия капитулировала, его подразделение оказалось одним из многих, брошенных в весьма затруднительном положении. Он и его люди сумели вернуться домой только благодаря тому, что мой отец одновременно являлся еще и казначеем и имел в своем распоряжении некоторую сумму денег, которые и были истрачены по пути. Хотя времена изменились, горькая история, описанная Эудженио Корти, имела достаточно много общего с тем, что довелось пережить моему отцу. Насколько мне известно, опыт моего отца был значительно менее тяжелым, но тем не менее достаточно неприятным. Он не любил об этом рассказывать.

Книги Эудженио Корти стали заметным явлением в послевоенной итальянской литературе. Думаю, что самый лучший способ представить этого автора миру – предложить познакомиться с его книгой «Немногие возвратившиеся».

От Дона до Арбузова

*Эти страницы руками моей матери я передаю
Мадонне моего народа – Мадонне лесов.*

*Пусть они хранят тех, кто был рядом со мной
в те суровые дни, кто сражался и страдал рядом
со мной, кто так отчаянно надеялся вместе со
мной и, в конце концов, навсегда остался там, на
бескрайних просторах русской степи.*

И молись, чтобы полет твой проходил не зимой.
Марк, 13: 18

Глава 1

19 декабря

В этих записках повествуется о конце 35-го армейского корпуса, одного из трех корпусов итальянской армии, воевавших в России⁵, который до начала лета 1942 года был единственным итальянским корпусом на русском фронте⁶. Та же судьба впоследствии постигла и два других корпуса,

⁵ Armata Italiana in Russia (ARMIR).

⁶ Corpo di Spedizione Italiano in Russia (CSIR).

а также некоторые немецкие части, находившиеся вместе с нами на этом участке фронта.

* * *

До начала декабря жизнь на берегах Дона казалась нам вполне терпимой. Даже когда великая русская река полностью замерзла, жизнь продолжала идти своим чередом. Периодически то там, то здесь возникали вялые перестрелки, временами включалась артиллерия, по ночам противник иногда устраивал внезапные вылазки.

Но к середине декабря разрозненные ночные атаки стали значительно интенсивнее, зачастую переходя в короткие яростные баталии. Мы начали понимать, что русские готовят массированное наступление.

35-й армейский корпус располагался на берегу реки. Он состоял из следующих подразделений: 298-я немецкая дивизия на левом фланге, Пасубио – в центре и Торино – на правом фланге⁷. Мы, офицеры, знали, что участок, занимаемый Пасубио, имеет длину 35 километров, и считали, что так же обстоят дела и у двух других дивизий.

30-я армейская артиллерийская бригада, в которой я служил, состояла из трех батальонов (60, 61 и 62). У нас были старые орудия 105/32, повидавшие еще Первую мировую

⁷ Здесь и далее цифрами обозначены затекстовые примечания автора.

войну, а также достаточно современные орудия: 149/40 и 210/22.

В то время я был главным офицером наблюдения 61-го артиллерийского батальона 80-го пехотного полка Пасубио в местечке Абросимово на Дону. Наши предположения о готовящемся наступлении русских постоянно находили подтверждение. Изрядно потрепанная белорусская дивизия, расположенная напротив нас, внезапно была заменена свежей частью, состоящей сплошь из новобранцев – узбеков и татар. Очень скоро в нашем расположении появились и первые переребечики. Они в один голос говорили о готовящемся грандиозном наступлении³. Это были маленькие узкоглазые человечки с желтыми морщинистыми лицами. Потомки монголов из Золотой Орды Чингисхана, они с трудом подчинялись жесточайшей дисциплине, которой требовали их русские командиры. На допросе один из дезертиров рассказал, в доказательство продемонстрировав шрамы, что «товарищ офицер» обычно, вместо того чтобы окликнуть солдата по имени, подходил и хлестал его по лицу. Они были плохо одеты и вооружены, видимо, их считали не чем иным, как пушечным мясом, то есть материалом, не обладающим какой бы то ни было ценностью. У них даже не было гимнастеров, поэтому многие, чтобы защититься от холода, запихивали под подкладку шинелей сено. Перспектива попасть в плен к таким людям вряд ли могла показаться привлекательной.

Впоследствии мы получили команду из штаба быть наго-

тове. Однако, несмотря на явно превосходящие нас по численности силы противника, никто и не думал о соответствующем подкреплении. На помощь прибыл только сборный немецкий батальон и несколько измученных чернорубашечников. Было очевидно, что у высшего командования отсутствуют резервы. К тому времени они уже сгинули в горниле Сталинграда.

В местах, где наши линии укреплений отклонялись от берега реки, несколько вражеских рот ночью переправились через Дон и окопались в низинах на ничейной земле.

Наши 81-миллиметровые минометы били по ним часами, но, к нашему немалому удивлению, ответный огонь ни разу не был открыт. Не могло не ужасать отношение русского командования к своим солдатам. Казалось, их жизнь не имела никакой ценности. Один из дезертиров рассказывал, как после полного уничтожения личного состава одной из рот ее тут же сменила другая, занявшая те же самые окопы в снегу.

В такой обстановке на рассвете 16 декабря 1942 года началось великое наступление русских войск.

В этой книге я не намерен рассказывать о последующем сражении. Об этой наступательной операции русских написано много. Скажу только одно: вечером 19 декабря дивизия Пасубио при участии чернорубашечников и ряда немецких частей все еще оборонялась, хотя мы и отступили на несколько километров. И только через несколько часов мы получили приказ немецкого командования отходить на

Мешков⁴ и попытаться спасти то, что осталось. Приказ нас очень удивил. Поскольку в дивизии совсем не было топлива, он означал, что вся техника должна быть брошена.

Глава 2

19 декабря

Мой 61-й батальон начал движение около трех часов полудни. Зимой в этих широтах световой день длится всего восемь часов, поэтому хотя было довольно рано, но уже начинало темнеть.

Наших скудных запасов дизельного топлива и бензина могло бы хватить не больше чем на 10–20 километров. Но все равно не было надежды завести имевшиеся в нашем распоряжении грузовики (626-е «фиаты» и омки), поскольку они были рассчитаны на работу на дизельном топливе при температуре не ниже 20 градусов по Цельсию. В то же время тракторы (старые добрые «павези») имели бензиновые двигатели и завелись практически сразу же, огласив окрестности оглушительным ревом и треском.

Через некоторое время мы оставили попытки вдохнуть жизнь в мертвые грузовики и выступили пешком. Впереди шествовал майор Беллини. За нашей весьма разномастной колонной шли солдаты из трех батарей, которым не нашлось места на немногочисленных оставшихся в наличии транспортных средствах. Они двигались в строю вместе со своими офицерами. Многие, невзирая на чины и звания, были заку-

таны в одеяла.

Мы ничего не уничтожили, повинувшись категорическому запрету майора Беллини. Конечно, бросать имущество и вполне исправную технику было очень жалко. Мы не знали, что ждет нас впереди и сумеем ли мы когда-нибудь сюда вернуться... Довольно скоро мы осознали, что испытания только начинаются.

Мы молча двигались по заснеженной дороге. Немногочисленные деревья, молчаливые свидетели самых драматических моментов нашей жизни, казались абсолютно черными на фоне белого снега. Морозный воздух обжигал обветренные лица. Вокруг не было слышно песен, а из труб, задорно торчащих над землянками, не поднимался голубоватый дымок. Мы покидали обжитые, ставшие такими привычными места.

Майор Беллини поставил меня замыкающим в группе, сопровождающей командование. Это, несомненно, было знаком доверия, хотя он меня не порадовал. Дело в том, что с самого начала марша я чувствовал нарастающую боль в правом бедре. Я знал, что, если она усилится, через несколько часов я не смогу идти (так уже было несколько месяцев назад во время охоты с друзьями).

Находясь в довольно затруднительном положении, я зато почувствовал и в должной мере оценил трогательную преданность своих солдат. Не тех, которые входили в группы на-

блюдения и связи, действовавшие под моим командованием на Дону. Все они были новобранцами, только что приехавшими из Италии и сразу же угодившими в бой. Нет, я говорю о ветеранах 2-й батареи, с которыми нам довелось многое пережить вместе⁵.

Получилось так: я подошел к капралу Джимонди, с которым мы уже много лет вместе воевали, и рассказал о своей проблеме. И не скрыл, что дело может кончиться тем, что у меня на некоторое время отнимется нога. Он сбросил со спины тяжелый мешок с провизией и ответил:

– Signor tenente⁸, я вас не оставлю. Если мы выберемся из этой передраги, то вместе. Если же нет... что ж, тогда тоже вместе.

Парень не отходил от меня в течение многих часов, до тех пор пока я не почувствовал, что могу идти без затруднений.

Позже место рядом со мной занял капрал Джузеппини. Этот резкий, даже, пожалуй, грубоватый мужчина средних лет, командир орудийного расчета, с тревогой следил за моим состоянием и успокоился только тогда, когда убедился, что со мной все в порядке. Старый верный Джузеппини... как много нам пришлось повидать вместе.

В кромешной тьме на обледеневшей дороге, ведущей в Мешков через Малеванное и Медово, собралась огромная

⁸ Форма обращения младшего по званию к лейтенантам (старшим и младшим). Автор был младшим лейтенантом.

колонна людей. Нас были тысячи. Темные фигуры тянулись по белой дороге, которая вилась через бесконечную заснеженную степь.

В толпе людей можно было заметить несколько саней, которые тянули русские лошади (обычно в каждые сани впрягали по две лошадки), всевозможные самодельные тележки и немало мотоциклов.

На перекрестке майор приказал колонне повернуть направо по направлению к позициям 62-го батальона, с тем чтобы впоследствии по возможности соединиться с ним. Но оказалось, что 62-й уже ушел, бросив свои 12 орудий. Это был первый случай паники, с которым я столкнулся во время отступления.

Мы заметили, что на затворах большинства из 12 брошенных орудий ударники находились в боевом положении. Подивившись чужому легкомыслию, мы потратили некоторое время на то, чтобы извлечь их и забросить подальше в снег.

Вернувшись на дорогу, мы вскоре увидели одно из орудий нашей 2-й батареи. Очевидно, при движении по скользкой дороге его занесло, и орудие съехало в кювет. Под колесами бесформенной грудой темных тряпок на ослепительно белом снегу лежал человек. Совместными усилиями мы вытащили орудие обратно на дорогу, и тягач затарахтел дальше.

Мы снова влились в бесконечную колонну людей и машин, тянущуюся на юг.

Примерно через полчаса после начала марша мы вошли в Житрейд, маленькую деревушку, где ранее располагались наши тыловые службы. Теперь она была покинута. Высокое кирпичное сооружение, единственное среди покосившихся бревенчатых, крытых соломой изб, горело, окрашивая ночное небо багрово-красным заревом. Периодически в пламени что-то взрывалось, и тогда ввысь над полыхающим костром вырывались яркие огненные столбы. Это был наш склад боеприпасов, который перед отходом подожгли, чтобы не оставлять врагу. Когда мы проходили мимо, раздалось подряд несколько мощных взрывов, видимо, огонь добрался до ящиков с гранатами. Большинство из нас инстинктивно втянули головы в плечи и пригнулись. Те, кто были ближе к огню, попадали в снег.

Находясь в Житрейде, мы начали понимать: то, что мы делаем, вряд ли можно назвать отступлением. Это самое настоящее бегство. Вокруг виднелась в панике брошенная техника, сани, ящики с самым разнообразным содержимым. Повсюду валялись мешки, одеяла, инструменты, предметы одежды, всевозможное оружие, включая вполне пригодные для использования пулеметы, разобранные минометы. Таковую безрадостную картину мы наблюдали на протяжении многих километров.

В Житрейде сходились несколько дорог с разных направлений, а на юг вела только одна. И она была буквально забита людьми.

До сих пор мы двигались в относительном порядке в колоннах по трое, впереди каждой шел офицер, замыкали строй три батареи, в которых нам, офицерам, с трудом, но тоже удалось навести порядок. Но теперь все смешалось. К нам примкнули пехотинцы из других подразделений, незнакомые чернорубашечники. Некоторые из них участвовали в боях на Дону, где потеряли всех своих товарищей.

Мы продолжали двигаться вперед, упрямо пытаясь поддерживать порядок. Так продолжалось до двух часов ночи. Но перед Медовом нас остановил поток людей, идущих в обратном направлении. Дорога впереди оказалась перерезанной врагом.

Но все по порядку... Строя, как такового, уже не существовало. Майор Беллини больше не останавливался каждые полкилометра, как делал это раньше, чтобы проверить, идут ли солдаты по трое. Несколько офицеров, в том числе и я, шли вслед за ним во главе колонны. Рядом со мной шагали преданные Джимонди и Джузеппини.

Всю дорогу меня не покидало чувство тревоги. Сумеем ли мы выйти из окружения? Или окажемся в ловушке? Правда, остальные офицеры считали, что последнее нам не грозит. А солдатам вообще не разъяснили обстановку. Поэтому одни шли спокойно, слепо полагаясь на отцов-командиров, другие

уже начинали паниковать. Лично я придерживался довольно пессимистической точки зрения на наше будущее, но даже она оказалась неимоверно далекой от ужасающей действительности, которая нас поджидала впереди.

Только значительно позже я сумел понять, как развивались события. На протяжении трех дней русские вели масштабное наступление на широком участке примерно в 40 километрах к западу от Пасубио через фронт 2-го армейского корпуса, где располагались дивизии Равенна и Козерия. С востока к ним присоединились дополнительные силы, прорвавшие фронт 3-й румынской армии в 100 километрах от нас⁶. Перед русскими стояла задача замкнуть кольцо. За линией фронта румынской армии лежал Сталинград, окруженный еще с 23 ноября крупнейшими силами врага. А далее им предстояло разобраться с немецкими войсками на Кавказе, которые теперь оказались в крайне невыгодной позиции.

Таким образом, речь шла не просто о тяжелой ситуации, сложившейся на отдельном участке фронта. Весь Южный фронт разваливался на части.

А мы шли дальше.

Несколько раз на перекрестках нам удалось заметить маленькие деревянные указатели с надписью *Bellini*. Стрелки указывали, как попасть на уже оставленные нами позиции. Часто указатели были сбиты и валялись рядом с торчащими из снега столбиками. А вокруг раскинулась заснеженная

степь, которой не было видно конца. Одинокое деревья растопырили свои голые, покрытые льдом ветки, ставшие очень хрупкими на ужасном морозе. Где-то вдали вспыхивали и гасли огни.

Я шепотом молился. Господь должен быть на нашей стороне, особенно в годину тяжелых испытаний. Я просил его о помощи и всем сердцем на нее надеялся.

* * *

Мы шли уже много часов. Позади осталось Малеванное. Стоял жесточайший мороз, думаю, что столбик термометра опустился до 20 градусов ниже нуля. Но мы пока переносили непривычную для нас погоду относительно неплохо.

Я перемолвился несколькими фразами с майором Беллини и младшим лейтенантом Занотти, адъютантом командующего. Последний был недоучившимся студентом-химиком, призванным на фронт из Миланского университета. Как и мне, ему исполнился двадцать один год. Занотти, типичный мальчик из благополучной семьи, нес свой спальный мешок одной рукой на манер чемодана и с истинно миланской учтивостью проинформировал всех о своей уверенности в том, что в самом ближайшем будущем мы будем в безопасности. В беседе принял участие наш офицер-картограф Палациано, а также врач лейтенант Кандела, младшие лейтенанты Лугареци и Карлетти из 2-й батареи и Марио Беллини. Майор,

проживший восемь лет в Сомали, считал русский мороз совершенно непереносимым. Но он этого не показывал, всеми силами старался поднять моральный дух своих подчиненных, постоянно шутил и посмеивался над опасностью. Одному Богу известно, как тяжело ему приходилось. Мы знали, что, находясь на позициях, он старался лишний раз не покидать своего убежища, будучи не в состоянии выносить мороз.

Тем временем жалкие остатки топлива, которые мы сумели раздобыть, подошли к концу. И транспортные средства, принадлежавшие нашей бригаде, одно за другим замирали на обочине дороги. Вместе с грузом. К сожалению, мы их оставили на дороге немало. Хватало здесь и орудий, брошенных нашими артиллеристами. Огромные 149/40 и 210/22 (должен сказать, это очень современные орудия) вместе с тягачами замерли без движения. Толпа обтекала их как досадные препятствия.

У меня буквально разрывалось сердце, когда я смотрел на современную технику, разом превратившуюся в груды металла. Сколько сил и средств затрачено на нее! Как тяжело она досталась моей родной Италии! А теперь приходится все бросать, чтобы выполнить полученный ранее приказ.

Нередко встречались телеги с сидевшими в них пехотинцами. Их лошади были настолько измучены, что не могли сделать больше ни шагу. В огромных влажных глазах этих

умных животных отражалась почти человеческая грусть.

Я узнал, что капрал Тамбурини остался на одном из брошенных грузовиков. Я хорошо знал этого человека. Несколько часов раньше ему переломало ноги съехавшим в кювет орудием. Оказавшись в одиночестве на грузовике, в баке которого не было ни капли топлива, этот несчастный некоторое время наблюдал за спешащими мимо людьми. Вспомнив о маленьких желтолицых узбеках, в руки которых ему предстояло попасть, он начал плакать и молить проходящих мимо соотечественников, чтобы они не оставляли его одного, но на него не обратили внимания. К сожалению, я узнал об этом несколькими днями позже, причем от тех самых людей, которые бросили бедолагу.

Мы продолжали свой бесконечный путь в ночи. Каждый час колонна, как этого требовали правила, останавливалась на десятиминутный привал. Многие из нас без сил валялись в снег.

Во время одной из таких передышек Занотти уснул – и это при минус двадцати градусах, да еще и в снегу! Но он не спал всю предыдущую ночь и был измотан той всепоглощающей, отнимающей разум усталостью, которая знакома лишь тем, кто был на фронте.

Перед самым Медовом в нашу колонну влилась большая группа немцев, пришедших по одной из проселочных дорог. Вскоре поток людей четко разделился на две параллельные струи: справа шли люди в темной итальянской форме, слева двигались немцы в своих весьма громоздких светлых одеждах. Причем обувь последних была подбита толстым войлоком.

Разница между нами была очевидна каждому. Между прочим, у немцев было топливо и достаточно большое количество транспортных средств. Все орудия имели тягачи (иногда русские) с изрядным запасом топлива. К тому же у них было много саней и телег, каждую из которых тянули две или даже три лошади. В такие повозки помещалось восемь – десять человек. Это давало возможность солдатам отдыхать по очереди на санях. Кроме того, они ничего не несли на себе, даже оружия. Но если падающий с ног от изнеможения итальянский солдат делал попытку забраться на немецкие сани, его незамедлительно сгоняли прочь.

Но все это были еще цветочки, настоящие испытания ждали нас впереди.

А тем временем число наших грузовиков продолжало неуклонно уменьшаться. Те, которые еще кое-как двигались, были увешаны гроздьями людей. Причем на каждом из них

среди одетых в темное итальянских солдат обязательно виделся одетый в светлые одежды немец. Что поделаешь, итальянцы – добрые люди. Монументальные «бреды», тянущие за собой стасорокадевятки и двухсотдесятки, были сплошь облеплены людьми. Солдаты сидели на капоте, на крыше кабины, на самом оружии – в общем, везде, где можно было за что-то зацепиться. Зачастую свое место приходилось отстаивать в драке, потому что на каждое было слишком много претендентов. От усталости люди едва держались на ногах. Некоторые больше не могли идти. Как-то я увидел темную фигуру, лежащую в снегу на обочине дороги. Руки и ноги несчастного дергались в конвульсиях. В этот момент колонна остановилась. С помощью нескольких солдат мне удалось поднять беднягу и привести его в чувство. Затем я попросил немецких солдат, сидящих в находящемся поблизости грузовике, взять его с собой. Те не отказали. Я тогда еще не знал немцев так хорошо, как знаю сейчас, поэтому считал такое поведение вполне естественным.

Часом позже я заметил солдата в бреду. Дошедший до последней стадии изнеможения пехотинец сидел в снегу на обочине и бормотал нечто невразумительное о зеленых полях и журчащих ручьях. Я попытался остановить один из проезжавших мимо немецких грузовиков, но наши доблестные союзники или делали вид, что не замечают моих сигналов, или отмахивались. Так продолжилось мое знакомство с немцами.

В конце концов, показалась итальянская «бреда» с двухсотдесяткой на буксире. Мы с трудом погрузили упирающегося парня. Прежде чем ехать дальше, водитель сообщил, что ему нетрудно взять еще одного солдата – одним больше, одним меньше... разницы никакой. Но бензина в баке хватит только на 8–9 километров, и потом все равно придется шагать пешком. Но больше я ничего не мог сделать.

Мы шли дальше.

Нога все еще продолжала беспокоить меня. Я шагал по дороге и с грустью размышлял о собственной судьбе. За что мне все это? Если бы паралич развился, я бы с первого момента был обречен. Неужели Провидение хочет дать мне почувствовать на собственном опыте, что человеческая жизнь в полном смысле этого слова всегда висит на волоске?

Услышав о моих трудностях, майор предложил мне занять место на одном из грузовиков. Но уже давно перевалило за полночь, осталось позади Медово, мы повернули направо, а ни одного итальянского грузовика так и не появилось.

Сразу за деревней располагались биваком чернорубашечники одного из батальонов М⁹, по-моему, Таглимента. Здесь же я увидел последние средства транспорта, принадлежавшие моей бригаде, – «павези».

Через некоторое время колонна в очередной раз остано-

⁹ Батальоны М отборные силы итальянских фашистов. М первая буква имени Муссолини.

вилась. Я был вынужден отправиться на поклон к маленькому немецкому лейтенанту с орлиным носом, в ведении которого находился трактор, тянущий трейлер, нагруженный бочками с бензином, и противотанковое орудие. Мы говорили по-французски. Это единственный язык, кроме хорошо знакомого немцам языка насилия, который они понимают. В результате я получил место в машине для себя и еще одного солдата, который не мог идти.

Прежде чем мы снова тронулись в путь, к нам подсел еще один итальянский лейтенант, а затем попытались присоединиться еще несколько, но немцы проявили бдительность и всех отогнали. Мы поехали дальше. Но через каждые несколько метров делали остановки. Сидеть без движения было очень холодно. Первым не выдержал солдат, за ним слез и пошел пешком лейтенант. На их места нашлось много желающих, но немцы больше никого не пустили.

Вперед. Остановка. Снова вперед. Остановка. И так до бесконечности.

В деревне за Медовом, кажется, это было Карасеево, мы остановились надолго. С трейлера выгружали бензин, требовавшийся для заправки грузовиков. Я воспользовался остановкой и подошел к большому костру, окруженному людской толпой. Оказывается, жгли склад продовольствия. Хотя бы таким образом, но я получил возможность немного согреться. Наконец-то!

Затем я вернулся к трейлеру, и мы продолжили путь.

Теперь по дороге все чаще попадались тела замерзших в пути солдат. Сперва мне не хотелось верить своим глазам. Должно быть, я ошибся и на дороге лежат вовсе не люди, а кучки брошенного кем-то тряпья. Но при ближайшем рассмотрении всякий раз оказывалось, что на снегу лежали все-таки люди, превращенные страшным морозом в глыбы льда. Их лица были искажены смертной мукой. Застывшие глаза смотрели в черное небо.

Мы двигались дальше.

Тянувшаяся по широкой дороге колонна была все так же четко разделена на итальянскую и немецкую.

Неожиданно нам начали попадаться сначала отдельные люди, а потом небольшие группы, спешащие в обратном направлении. Вскоре идущих навстречу стало так много, что мы были вынуждены остановиться. Я спрыгнул с трейлера и обратился за разъяснениями к бегущим навстречу офицерам. Они поспешно и с некоторым смущением рассказали, что дорога впереди перерезана уже несколько часов назад. Было около двух часов ночи 20 декабря.

Распрощавшись с проявившим ко мне гостеприимство немецким младшим лейтенантом, я побрел обратно в деревню. Очень тихо, чтобы не слышали солдаты, я передал майору Беллини печальные новости. Затем я отправился в битком набитую избу, чтобы погреться.

Насколько нам было известно, русским никогда не удавалось выйти из немецкого окружения.

Глава 3

20 декабря

Всего через несколько минут поступил приказ 30-й артиллерийской бригаде строиться. Остатки 60-го батальона присоединились к 61-му.

Я слышал голоса майора Беллини и капитана Россито, командира 1-й батареи, но не торопился выйти из теплой избы и присоединиться к ним. Должен признаться, что я отчаянно устал и, кроме того, меня страшила перспектива вновь оказаться на морозе, пробирающем до костей. Когда же я все-таки выполз на воздух, оказалось, что батальон ушел. Люди, торопливо шагающие по обледенелой дороге, были мне незнакомы.

Я громко крикнул. Голос мой разнесся очень далеко в морозной ночи, но ответа не последовало. Я остался один. Следовало как можно скорее догнать батальон.

Я присоединился к мрачной колонне, которая, оставив дорогу на Мешков слева, повернула на юг к выходу из деревни и двинулась по направлению к Поповке. Появилась информация, что на этом направлении немцы планируют прорыв.

Вдруг я заметил транспортные средства, принадлежащие артиллеристам Пасубио. Несколько тягачей с натугой волок-

ли орудия. За ними тянулись люди. Я вспрыгнул на подножку одного из тягачей и таким образом преодолел семь или восемь километров, отделяющих меня от Поповки.

Занимался новый зимний день.

Вокруг нас была только бесконечная заснеженная степь, а над головами – такое же бесконечное свинцово-голубое небо.

В деревне я встретил нескольких знакомых ребят из 80-го пехотного полка. Лейтенант Корреале (в далекой мирной жизни преподаватель философии) настолько устал, что с трудом передвигал ноги. К тому же он сильно охрип и совсем не мог говорить, лишь сипел. Он сказал мне, что, если ему прикажут снова идти вперед, он умрет.

Больше я его никогда не видел.

А пока, глядя на его усталое обветренное лицо, я вспоминал долгие беседы, которые мы вели с ним и майором Пассини долгими зимними вечерами в офицерской столовой в Абросимове на Дону. С мальчишеской горячностью мы всячески превозносили мастерство и храбрость итальянских солдат. Майор, бывший намного старше и опытнее нас, добродушно усмехался и спокойно объяснял, что мы не правы.

Сидя за отдельным маленьким столиком, младший лейтенант Бернаби бросал на нас негодующие взгляды. Было поздно, все офицеры уже поели и разошлись, а мы продолжали оживленно беседовать, не собираясь покидать помещение.

Дело в том, что младший лейтенант Бернаби, недавно прибывший из Италии, спал в этой комнате, когда все уходили. А звание младшего лейтенанта получил всего два месяца назад.

А затем начались тяжелые бои. Однажды лунной ночью Бернаби отправился на санях в роту. Он был очень доволен, потому что должен был принять под командование отделение. И погиб. Майор Пассини тоже погиб. И еще многих людей из того батальона уже нет в живых.

Теперь я считал, что самое худшее позади. Я наткнулся на Корреале, который, прихрамывая, бродил вокруг в поисках своих солдат. Большинство из них были рекрутами с Сицилии, только что прибывшими на фронт, и при любом удобном случае старались улизнуть подальше. Очевидно, майор в своих оценках все-таки был прав.

Некоторые вещи лучше забыть.

Здесь же были капитан Ланциани и младший лейтенант Фаброцини, бойкий неаполитанец. Как и Корреале, капитан Ланциани прихрамывал.

Мы остановились.

В самом разгаре дня немцы на 8 или 9 тяжелых броневиках отправились куда-то в восточном направлении. Они должны были прорвать окружение. Во всяком случае, мы так считали.

За ними двигались фургоны с пожитками, а дальше шли

две колонны итальянских солдат. Черные ленты, извивающиеся по ослепительно белому снегу. Огромное пространство вокруг Поповки теперь кишело людьми, причем со стороны Медова подходили все новые колонны. Я держался рядом с Фаброцини, офицером, командующим в Абросимове остатками взвода разведчиков. Нам пришлось многое пережить вместе, и ладили мы хорошо.

Мы остановились на гребне очень длинного холма. Там немцы выполняли какие-то сложные маневры, рассчитанные на то, чтобы обмануть противника. Но не было похоже, что они планируют идти на прорыв.

Фаброцини, несколько его разведчиков и я ждали сидя на снегу и лязгая зубами от холода. За нашими спинами уныло чернели покосившиеся избы Поповки. Впереди, казалось до самого горизонта, простирались бесконечные заснеженные равнины. Нигде не было видно ни одного признака жизни.

Я решил, что должен немедленно встать и начать двигаться, иначе рискую замерзнуть насмерть.

Пытаясь согреться, я принялся быстро ходить взад-вперед и в конце концов неожиданно наткнулся на своего командира – майора Беллини, стоящего в окружении нескольких офицеров бригады.

Холод становился невыносимым. Оставалось только удивляться, что все мы еще живы. В ожидании прорыва нам бы-

ло совершенно необходимо найти хотя бы какое-нибудь убежище.

Капитан Россито – весьма упитанный краснолицый мужчина – отправился куда-то в темноту, заявив, что присмотрел для нас всех отличное убежище в большом стогу сена. Мы довольно долго ждали, но он все не возвращался. В конце концов майор решительно направился обратно в деревню, мы потянулись за ним.

Мы больше не видели капитана Россито. Позже я слышал, что он нашел в брошенном немецком грузовике бутылку коньяку и, ничего не соображая от холода, в несколько глотков осушил ее до дна. Поэтому он так и не узнал, что мы ушли из Поповки.

Мы вошли в какую-то избу, откуда слышалась итальянская речь. И действительно, там оказалась большая группа чернорубашечников.

Неожиданно вокруг загремели взрывы. Враг открыл огонь по колонне.

Было очевидно, что, раз русские стреляют из минометов, они находятся где-то поблизости. Но где? На этот вопрос не мог ответить никто.

Должен признаться, в тот момент нас это не особенно интересовало. Мы настолько окоченели, что возможность хотя бы немного согреться занимала нас значительно больше, чем все враги на свете.

К сожалению, мое пребывание в теплой избе оказалось слишком коротким. Майор приказал мне отправиться на поиски полковника Касасса, командира 80-го пехотного полка, чтобы получить инструкции.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и снова идти на мороз.

* * *

Мне показалось, что прошло много часов, прежде чем я наконец выяснил, что полковник обосновался где-то на холме к западу от нас. Мы там уже были и явились свидетелями полнейшей неразберихи. Множество солдат из самых разных частей бестолково толпились в одном месте, не зная, что делать.

Уже давно перевалило за полдень. Я заметил, что некоторые части снова покидают деревню.

Встреченные мною по дороге старшие офицеры— чернорубашечники сообщили, что прорыв теперь уже неминуем.

Решив, что получил достаточно информации, я направился в избу, где меня ждали товарищи и майор Беллини. В 200 метрах от нее я заметил русский танк. Раньше его там не было.

Оказалось, что он появился в деревне несколькими часами ранее и очень быстро был подбит немцами. Его экипаж состоял из одного совсем молодого мальчика, почти ребен-

ка. Выбравшись из танка, он попытался вести огонь, но был расстрелян превосходящими силами противника.

Позже капрал Джузеппини рассказал, что этот танк возник совершенно внезапно. За ним в некотором отдалении следовало еще два или три. Его неожиданное появление на медовской дороге, по которой двигались колонны немецких и итальянских солдат, привело к настоящей панике. Тем более, что он пер напролом, круша все на своем пути и поливая уцелевших людей огнем из автоматов. Джузеппини клялся, что видел не менее пяти сотен погибших. Правда, организаторы этой кровавой бойни не надолго пережили своих жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.